

**Константин
Шабалдин**

Шагатели 2

Константин Шабалдин

**Шагатели-2. Книга
вторая. Надстоятели**

«Издательские решения»

Шабалдин К.

Шагатели-2. Книга вторая. Надстоятели / К. Шабалдин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749150-5

Продолжение увлекательных приключений шагателя Башмака в Мире Куба со стрельбой, гонками, политическими заговорами и любовной историей.

ISBN 978-5-44-749150-5

© Шабалдин К.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
2	12
4	15
5	18
6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Шагатели-2

Книга вторая. Надстоятели

Константин Шабалдин

*Война есть крайне опасное дело, в котором наихудшие ошибки
происходят от доброты.*

Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц

© Константин Шабалдин, 2024

ISBN 978-5-4474-9150-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

«Кормушка» в дверях камеры открывалась совершенно бесшумно, но за шесть месяцев заточения Башмак безошибочно научился определять сильный запах медикаментов из коридора. Вот и теперь, уткнувшись лицом в стену и накинув одеяло на голову, он отлично знал, что «дубак» просунул в окошко судки с обедом. Башмак не реагировал, он уже пятый день отказывался принимать пищу. Пил только компот, а бифштексы, тефтели, омлеты и жареную рыбу игнорировал. Впрочем, гарниры, салаты и супы он игнорировал так же, голодовка есть голодовка, как бы ни хотелось есть. Игра слов, ха-ха-ха, усмехнулся собственной шутке Башмак. За полгода он привык разговаривать сам с собой.

– Заберите, пожалуйста, завтрак, – жалобно проблеял «дубак». – Мне окошечко закрывать положено по инструкции.

Новый какой-то, подумал Башмак. Судя по голосу совсем мальчишка. А ведь у них здесь наверняка очень строгий отбор, кого попало на такую службу не возьмут, анкета нужна идеальная и несомненная приверженность Единой Вере. Неукоснительная.

– Требую прокурора! – крикнул Башмак и поморщился. Самому уже надоело повторять одно и то же. Пятый день.

– Не положено пациентам прокурора, – неуверенно отозвался парнишка. – Могу дежурного врача позвать.

Это что-то новенькое, раньше на его вопли персонал никак не реагировали. Неопытностью охранника надо было пользоваться. Башмак стянул с себя одеяло, сел на шконке и слабым голосом попросил:

– Позови, милый, позови. А то худо мне.

– Вы завтрак заберите, я окошко закрою и сразу позову.

– Не смогу я. Видишь слабый совсем? Так что волокни свою посуду обратно на кухню, а мне доктора зови, может процедуры какие назначит.

Охранник, действительно совсем молодой парнишка, посопел носом, собрал судки с завтраком и, так же бесшумно закрыв «кормушку», исчез. Башмак остался сидеть, тупо уставаясь на закреплённый в стене квадрат телеэкрана. Трансляцию включали после завтрака и до обеда он должен был пялиться в бесконечные новостные программы, идеологически выдержанные ток-шоу, истеричные проповеди столпов Церкви Единоподлинной Веры и казни еретиков. Казней было много, но ещё больше политических процессов, на которых вероотступники слезливо каялись, размазывая по избитым мордам слёзы и сопли, а потом их вели на куб-эшафот.

От Башмака всего-то и требовалось писать отчёты об увиденных безобразиях. Скромно высказывать собственное мнение. Непредвзято анализировать. Вносить предложения по оптимизации процессов и повышению эффективности. За это его вкусно кормили, на два часа выводили на прогулку и на час пускали в спортивный зал. Всегда одного. Под охраной. Спать разрешали сколько угодно с условием: каждый вечер – отчёт. И не отписка, а вдумчивое рассуждение на нескольких страницах. Через полгода такой жизни Башмак понял, что он самый настоящий писатель.

Но это позднее к нему вернулось чувство юмора. Поначалу, пока в клонированное тело возвращалась память – рывками, часто во сне, невнятными картинками прошлой жизни – тогда ему было очень плохо. Особенно когда в потных сновидениях душным кошмаром маячили перед глазами пропитанные кровью пряди волос облепившие лицо Ани.

И ещё постоянно его изводили бесконечные обследования: анализы, пункции, энцефалограммы. Однажды в стаканчик для сбора мочи он налил компота. Его очень серьёзно предупредили, что если такое ещё раз повторится, то ему вместо компота начнут подавать мочу. Башмак понял, что шуток здесь не понимают и затаился. Делал, что велят, изучал внутренний

распорядок и пытался наладить контакт с охранниками и санитарями. Пока однажды не увидел на бетонной стене бокса, куда его водили на прогулку, крошечный рисунок.

Выцарапанный чем-то острым в самом низу, возле бетонного пола, носатый профиль Паркинсона. И тогда Башмака словно обдало кипятком. Аня жива. Это она, развлекаясь, любила рисовать шаржи на деда, над которыми они вместе потом смеялись. И потрясённый Башмак объявил голодовку, перестал писать отчёты. Он требовал свидания с Аней, а его просто игнорировали в ответ. Перестали выводить на прогулку и не включали телевизор, забрали книги. Ладно, суки, поглядим, кто кого, думал Башмак, но жрать хотелось всё сильнее.

Башмак, слегка пошатываясь, гулял из угла в угол, когда дверь открылась и вошёл высокий человек в белом халате. Про себя Башмак называл его «Длинный». Сменщиком Длинного был толстячок, которого Башмак окрестил Шариком. Оба врача держались с Башмаком отстранённо, в беседы не вступали, угрюмо втыкали иголки в вены, вводили катетеры, брали мазки со слизистой да выдавали бумагу и огрызок карандаша для ежедневных отчётов. Выправка и у Длинного, и у Шарика была военная.

– Проголодался? – лениво спросил Длинный.

Как с говном разговаривает, подумал Башмак и спросил:

– А ведь тебе влетит от начальства, если я подохну?

Длинный пожал плечами, развернулся и молча шагнул к выходу.

– Или ты ничего не решаешь? Попка ты, прыщ на заднице!

Длинный остановился, и Башмак поспешил закрепить успех.

– Мальчик на побегушках, так я и думал, – очень разочарованно сказал он.

Длинный снова развернулся к Башмаку, подошёл вплотную, презрительно глянул на шагателя сверху вниз. Если ударит, зубами в глотку вцеплюсь, подумал Башмак.

– Я тебе не попка, а офицер Санитарной Службы, – сказал длинный. – А если ты подохнешь, мы нового клона вырастим. Это хлопотно, конечно, но лучше, чем на твой шантаж поддаться.

Это ты врешь, подумал Башмак. Если бы так просто было клонов выращивать, вы бы сразу не одного, а несколько штук забацали. У вас бы тогда шагатели тут уже хоровод водили.

– Милый, – ласково сказал Башмак. – Я же телевизор смотрю. Я же примерно представляю ваши технические и экономические возможности. И выводы делать умею. И сдаётся мне, эти выводы вам от меня и требуются, потому что я, судя по всему, интеллектуальными способностями превосхожу всех ваших кубоголовых аналитиков.

– Догадался-таки, – криво ухмыльнулся Длинный.

– Да как в стакан нассать.

– Сволочь мутантская. Ошибка природы, выродок. Ты ведь не человек даже, тебя в пробирке вырастили, – Длинный наконец-то вышел из себя, и это очень понравилось Башмаку.

– Так ты передай начальству, что впредь вслепую я сотрудничать не буду.

– Придушить бы тебя.

– Погоны снимут. За самоуправство.

Длинный смотрел на Башмака с ненавистью, а тот напротив, впервые за долгое время, почувствовал душевный покой. Длинный его ненавидит? Прекрасно, это взаимно. Башмак ещё не забыл, как умирал, разорванный пулемётной очередью. Вернее, недавно вспомнил.

– Что ты хочешь? – неприязненно спросил Длинный.

– Увидеть жену, – сразу ответил Башмак. – И пригласите в штат толкового психолога. Он вам объяснит, что иногда мне надо выдавать пряники.

Длинный молчал, обдумывая ультиматум шагателя. А Башмак улыбался. Он чётко понимал, что выиграл. Никуда не денутся, скоро он увидит Аню. Ему хотелось петь от счастья. Наконец Длинный произнёс:

– Давай так. Ты сейчас супчику поешь, а я доложу руководству о твоих требованиях.

– А ты ещё не докладывал? – удивился Башмак.

– Неа, – довольно осклабился Длинный. – Ты отчётов настрочил с запасом, всё у нас по распорядку, никаких ЧП.

Башмак хотел схватить Длинного за лацканы халаты и ударить лбом в нос, но движение вышло вялое, Длинный отскочил и прошипел, брызнув слюной:

– Не дёргайся, а то охрану позову, к койке привяжут.

Он пятился к выходу, а Башмак подумал – он же меня боится. Сто раз обследовал, знает, что никакой заразы во мне нет, а всё равно боится, ему с детства внушили – мутанты заразные, смерть разносят. Они все нас боятся, всех кто родился в резервации. И это тоже надо использовать.

Длинный уже выходил, когда Башмак снова его окликнул.

– Ты вот ещё что. Устрой-ка мне свидание с неким Серёжей Соломатиным, филологом. Очень я хочу его видеть. И супу вели принести. С гренками.

2

Утомлённо прикрыв глаза, Тапок откинулся в массивном кресле, более напоминавшем трон, и мановением длани отпустил военных советников и командиров частей. Заколебали. Тупые, жадные и трусливые исполнители. Все они дублёры и статисты, нет среди них лидеров, нет подлинных стратегов. Не с кем поделиться грандиозными планами, никто не оценит по достоинству величие замыслов. Они просто не в состоянии постичь уникальность эпохи и монументальность личности, с которой им неожиданно посчастливилось существовать в одном объёме локализованного пространства. Что ж, одиночество печальный удел монарха, окружённого ничтожными подданными.

– ... подданными, – пробормотал секретарь, записывая, и Тапок понял, что последнюю фразу он произнёс вслух. – Дальше, Ваша Окружность!

Тапок усмехнулся. Ну да: Ваша Окружность, Великая Ось Колеса и Колея Бесконечности. Он сам придумывал себе титулы, стараясь, чтобы они звучали как можно debilнее. Он изобретал для себя немыслимые привилегии и вёл себя с подданными заносчиво и высокомерно. Он завёл гарем и отнимал у войска после похода почти все трофеи. Он снова ввёл сословия, наделил аров немыслимыми прежде правами и опирался на них, принимая драконовские законы для лебов. Он держал народ в голоде и страхе, надеясь на бунт, революцию, смуту, на то, что к истощенному в боях противнику потянутся перебежчики. Но осведомители докладывали о полной лояльности населения жестокому диктатору, росту его популярности даже в отдалённых поселениях и участвовавших случаях дезертирства в частях еретика Пятки.

С Пяткой тоже сплошная головная боль. Сколько сил, времени и ресурсов уходило на то, чтобы дать этому придурку, как бы невзначай, ускользнуть после очередного поражения?! Сколько интриг для того, чтобы не вызвать подозрения ни у своих подданных, ни у самого Пятки? Сколько ценнейших единиц огнестрельного оружия, патронов ему передано под видом боевых потерь, для организации хоть сколь-нибудь боеспособного сопротивления? Но патроны бойцы Пятки расстреливали без особого урона для войск колесников, оружие бросали на поле брани и, на сегодняшний день, вся вооружённая оппозиция состояла из дюжины шагателей во главе с Пяткой. Они затерялись где-то в песках, и Тапок умышленно посылал для их полного истребления слабо вооружённые карательные экспедиции обременённые обозами с водой и обильным провиантом.

Ах, как ему не хватало Башмака! Со старым другом можно было играть в открытую. Но полгода назад Башмак с Паркинсоном глупо подставились под пули Санитарной Службы. Теперь их нет, облучатель потерян, контакт с внешним миром невозможен. Планы рушились, но и Тапок уже не был так горячо увлечён идеей вертикального прогресса, как в тот момент, когда сама мысль о возможности остановить вырождение колесников казалась ему чрезвычайно заманчивой. Он остепенился, заматерел. Много времени проводил в гареме или диктовал секретарю мемуары.

– На чём мы остановились прошлый раз? – спросил Тапок секретаря.

Молодой ар деловито пошелестел бумагой и процитировал:

– «В смрадном пекле пустошей крылатые демоны открыли мне заветы истинной веры», – Тапок молчал, и секретарь счёл нужным напомнить: – Это про битву Вашей Окружности с крылатым демоном.

– Почему «битву»? – удивился Тапок. – Он же мне заветы открыл, с чего мне с ним биться?

– Не знаю, – смутился секретарь. – Вот у меня в черновике записано: «и вознесясь над мерзким порождением пустошей Великая Ось Колеса ударил демона в единственное уязвимое место – пластинчатый гребень в основании огнедышащего черепа».

– «Вознесясь», – недовольно поморщился Тапок. – Ты бы над стилем поработал. Левицкого что ли почитай, есть же в библиотеке.

– Народу нравится, – обиженно пробормотал секретарь. – Кулешов каждый день по радио читает, очень все довольны, продолжения требуют.

– Да? – удивился Тапок. – Странно. А чем я его ударил?

– Кого? – не понял секретарь. – Кулешова?

– Дракона, балбес.

– Пока не знаю, – признался секретарь. – Это я ещё не придумал.

– Эх, ты! – упрекнул Тапок. – Пиши: «Обученный ещё в детстве древними заведующими искусству телесной трансформации, Его Окружность усилием воли удлинители десницу и придали ей твёрдость стали и остроту бритвы и ударили...» Ну, основное направление ты понял, дальше сам придумаешь.

– Гениально, гениально, – бормотал секретарь, торопливо карябая карандашом по бумаге.

– Учись, литератор, – сказал Тапок и, широко зевнув, лениво сполз с кресла, и через тёмный коридор, спустившись по винтовой лестнице, прошёл в подвалы Лабораториума.

Он любил здесь бывать. Сюда он собрал уцелевших в «Ночь гнутых спиц» старых заведующих, тех которые кроме вызубренной Завещанной Инструкции имели хоть какое-то техническое образование. К ним в усиление кинул толковых мастеровых и, собрав детишек поголовастей, устроил нечто среднее между университетом и учебно-производственным комбинатом. Поначалу заведующие артачились, не хотели с сопляками возиться, но стоило у них отнять шахматы, дело пошло.

Тапок прошёл по классам, полюбовался на исчерченные формулами доски, заглянул в мастерскую, где вертелись токарные станки с ручным приводом и на опытном прессе пытались штамповать гильзы. Тапок знал, что хрен гильзу отштампует, но не говорил, пусть помучаются. В химической лаборатории подсказал, какие присадки нужно искать для пороха, у стеклодувов задержался, любуясь красотой стекольной массы. Потом зашёл к Александру Борисовичу.

Захваченный в плен в битве при Обсерватории бывший идеологический работник пытался наладить работу установки по производству сыворотки. Мастер Гоша собирал экспериментальные облучатели, руководствуясь воспоминаниями Александра Борисовича о работе погибших Спиц Колеса и рекомендациями самого Тапка, но вероятность получения препарата была нулевой, и Тапок понимал это. Это всё равно, что пытаться приручить крылатого демона, которого в природе не существует.

– Колдуете, еретики? – спросил Тапок.

– Во имя Колеса Изначального, – отозвался Александр Борисович

– Во имя Обода Его, – подхватил мастер Гоша.

– Вы мне зубы не заговаривайте, – сказал Тапок. – Есть результат?

– Мне бы хоть одним глазком этот облучатель увидеть! – воскликнул Гоша. – Я бы уж тогда в точности воспроизвёл.

– Ну-ну, – сказал Тапок.

Он уже был в коридоре, когда к нему подъехала девчонка-арка и громким шёпотом сообщила:

– Дядя Тапок, а мастер Гоша с Александром Борисовичем в шахматы в слепую играли.

– Кто выиграл? – заинтересовался Тапок.

– Не доиграли. Гоша забыл, что в начале партии пешку на Е5 потерял.

– Где уж ему, против Борисыча, – засмеялся Тапок. – А ябедничать не хорошо.

Он дал девочке конфету и вышел на площадь перед Лабораториумом. При виде его народ начал торопливо разъезжаться, стражники вытянулись, отстранив костыли, задрали подбо-

родки. Скука, подумал Тапок. Покушение может на себя организовать? Пойду изолятор проверю, кто там у меня в заточении томится гляну. Он не спеша брёл по пыльной улице, когда из-за угла на него вылетел Сланец.

– Формалисты, Ваша Окружность!

Тапок с тоской поглядел на Сланца. Был он весь пыльный, мятый, небрито-лохматый и перегаром от него пёрло.

– Ты на кого похож, чучело? Ты же начальник штаба, твою мать.

– Виноват, Ваша Окружность, исправлюсь. Формалисты!

– Да где формалисты, толком говори?

– Так едут. Двое. Не прячься. На дурацких великах своих. Уже к окраине подъезжают.

– Так это же очень хорошо, что к нам едут формалисты, – сказал Тапок.

– Да? – удивился Сланец.

– Точно тебе говорю. Ты гарнизон «в ружьё» поднял?

– Нет, сразу докладывать побежал.

– А ты подними.

– Слушаюсь!

– А с докладами бегать – у тебя на это гонцы должны быть.

– Да есть гонец, но пока он на коляске своей докатит!

– Это верно, это я не подумал. Ты теперь обратно беги. Формалистов вежливо, слышишь – вежливо! – встретить и ко мне проводи. Понял?

– Так точно!

– Ну, давай.

2

Попадать хоть и в квадратные ворота, но квадратным же мячом было крайне утомительно, и Сергей ушёл с поля, сославшись на боль в ноге. Колено после недавнего перелома и действительно слегка побаливало, но куда больше Серёжу раздражало демонстративно почтительное отношение, с которым ему приходилось сталкиваться даже на футбольном поле. Вчерашний ботаник и хронический лузер, а ныне Кавалер Серебряного Уголка Второй Степени внезапно оказался крайне популярен на факультете, уважаем в деканате и неприкасаем на спортивной площадке. От девушек, как и обещал Супогреев, действительно не было отбоя, а студенческая вечеринка считалась удачной, только если Серёжа соглашался рассказать свою историю разоблачения разветвлённой и очень опасной контрабандной сети. Никто, правда, не догадывался, что вся эта история сочинена в Санитарной Службе и вызубрена Соломатинным под контролем «куратора». Реальный же ход событий ему не просто приказали забыть, но и взяли подписку о неразглашении государственной тайны.

– Серёжа, сильно болит, да? – услышав за спиной дрожащий от сострадания девичий голосок, Соломатин отдёргнул руку, которой массировал коленку и, не оборачиваясь, сердито сказал:

– Чешется.

– Не обманывай, я же знаю, что болит! Слышишь гром? Гроза скоро, а к непогоде всегда переломы болят.

Светка уселась рядом на скамейку и посмотрела на Сергея с обожанием.

– А у тебя срослось совсем недавно, даже прихрамываешь иногда.

– Ничего я не прихрамываю.

– Видимо сам не замечаешь.

– Как это может быть? – возмутился Сергей. – Я не замечаю, а ты всё замечаешь!

– Со стороны-то видней, – тоном древней, умудрённой жизнью старухи произнесла Светка.

– Какие у нас первокурсники наблюдательные, – восхитился Соломатин. – Не ходи ты за мной, Света. Неудобно же. Смеяться будут.

– Пусть попробуют, – предложила Светка.

Сергей вздохнул. Да, не будут над ней смеяться, не рискнут. Щуплая с виду Света Лихтенвальд была чемпионом университета по рукопашному бою. Он видел её месяц назад на соревнованиях. Это было зрелище. Ну, а над ним-то, Кавалером Серебряного Уголка и подавно никому не придёт в голову потешаться.

– Ну, пойми ты, – Сергей старался говорить как можно убедительней. – Нельзя так. Уже месяц это продолжается: куда бы я ни пришёл, а ты уже там!

– Точно, целый месяц, – мечтательно сказала Светка. – С самых соревнований, когда ты на меня посмотреть пришёл.

– Да не на тебя я ходил смотреть!

– Ой, ладно, не притворяйся! – она засмеялась, а Сергей встал со скамейки и пошёл к главному корпусу. Он знал, что Светка пойдёт следом. Он уже почти привык.

Взять и жениться, вяло подумал Сергей, сворачивая на тропинку между зарослями боярышника. От стадиона так было ближе. Он уже прошёл пустырь, когда за спиной послышался характерный свист флаера в режиме экстренной посадки. Он не успел повернуться, как услышал:

– Стоять! Не двигаться!

Сергей сразу вспомнил слова Супогреева – «нельзя же, в самом деле, бежать, когда тебе говорят «стоять», и замер. Тогда его вполне аккуратно подхватили под руки и потащили к фла-

еру без опознавательных знаков. Полувоенная модель, такие сейчас редко используют. Сразу снова заныло колено. Серёжа едва успел вякнуть:

– В чём дело? – а его уже запихивали внутрь, трамбовали, а он рефлекторно сопротивлялся, упирался ногами в комингс, но вдруг хватка ослабла, и он совершенно по-дурацки, задницей вперёд вывалился из флаера на жухлую осеннюю траву.

– Серёжа беги! – завершала Светка, продолжая молотить незадачливых похитителей.

Она уже уработала двоих здоровенных парней в красивых костюмах, а третий, с трудом отбиваясь от вихря ударов, вскрикивал:

– Да ты...

...удар.

– ...кто ещё...

...удар.

– ...такая? – он снова пропустил и, зашипев от боли, согнулся в пояс.

– Бежим! – уже как-то истерично, по-бабьи вскрикнула Светка, а Сергей, так и провалявшийся всю драку на траве позорнейшим образом увидел, как из флаера не спеша высунулся пожилой дядька в форме капитана Санитарной Службы, выставил длинный ствол парализатора и выстрелил в Свету. Она упала, а Сергей сказал:

– Это вы напрасно. У неё папа Угол Куба. И член Центрального Комитета партии Углоединства.

– Да? – удивился капитан. – Тогда нельзя оставлять. Тогда её тоже пакуйте. Быстрее, быстрее.

Побитые парни кряхтя, поднялись и за ноги, за руки закинули Светку во флаер. Как мешок с картошкой. Следом капитан, схватив за шиворот, рывком втянул Сергея, захлопнул дверцу, и они резко взлетели.

– А нельзя было сразу сказать, что вы из СС? – спросил Сергей, стараясь в тесноте кабины уложить Светлану поудобней.

– Чтобы пока мы тебя уговаривали, по нам ракетой шандарахнули? – спросил один из санитаров, осторожно ощупывая ссадину на подбородке. Ссадина формой в точности походила на невысокий каблук Светкиных тифлек. – Некогда нам было миндальничать, уж извини. Да и не привыкли.

– Им жизнь спасают, а они дерутся, – обиженно сказал другой санитар, тоже со следами побоев.

– Какой ещё ракетой? – подозрительно спросил Сергей.

Капитан, сидевший за штурвалом флаера, повернулся к Сергею и сказал:

– Ты студент в окошко-то выгляди.

Флаер был оснащён бронированными заглушками на иллюминаторах, и когда Сергей отодвинул квадратную заслонку, то сначала не поверил своим глазам. Столицу бомбили. Вернее обстреливали ракетами. Вот какой гром слышала Светка! Сверху хорошо было видно, как из скопления зданий, эстакад, переплетения магистралей и автобанов поднимаются к небу огромные столбы смоляного дыма. Больше всего, десятка два, их было в центре, в районе гигантского куба Храма Единственноподлинной Веры. Там же совсем рядом университет, подумал Серёжа, значит, не врут, значит и вправду прямо из-под удара ушли. У него на глазах от линии горизонта, оставляя ослепительно-красивый конденсационный след, прошла ракета и ударила куда-то в район площади Героев Последней Войны. Взрыва не было слышно, но Серёжа вздрогнул всем телом, когда полыхнула вспышка, и следом поднялся дымный гриб.

– Термитными зарядами бьют, суки, – прокомментировал капитан. – Чтобы пожаров побольше.

– Да кто бьёт-то?

– А хрен их знает. Ракеты только на подлёте засекли, да и то случайно. А что ты хочешь? Лунную программу свернули, радары ПВО демонтированы, Последняя война тридцать лет как закончилась.

– И вы что же? Всех кавалеров Серебряного Уголка эвакуируете? Даже Второй Степени? – восхищенно спросил Сергей. – Спасибо, конечно. Даже неловко, как-то.

– Чего? Какого уголка? – спросил санитар с разбитым подбородком. – Засунь себе этот уголок и сиди ровно.

И они все заржали так обидно, что Сергею захотелось выйти. Прямо сейчас и без парашюта. А потом он разозлился и попытался вспомнить, что рассказывал о повадках Санитарной Службы его приятель Сашка Хлопотнюк, которого уже два раза задерживали по подозрению в ереси.

– Я тогда арестован, получается? Тогда обвинение предъявите, по какой статье, в чём подозреваюсь? И девушку вы зачем взяли? С её батей у вас проблемы будут, я гарантирую.

Но санитары молчали, продолжая ухмыляться, а капитан снова отвернулся от штурвала и взглянул на Сергея, как ему показалось с лёгкой жалостью. Но тут пришла в себя Светка, и всем снова стало не до смеха.

4

Поначалу Башмак не придавал значения тому, что Аню привезли в инвалидном кресле. Он привык её видеть в коляске, она слишком долго скрывала свою принадлежность к шагателям. И не обратил внимания на тёмные круги под глазами, запёкшиеся губы, измождённый вид. Он просто был счастлив её видеть. Он встал на колени и взял Аню за руки. Они смотрели друг другу в глаза и молчали. Потом Аня заплакала, уткнувшись лицом ему в плечо, а Башмак обнял её за плечи и успокаивал, шептал в ухо:

– Не плачь, что ты? Теперь всё будет хорошо, теперь мы вместе, теперь всё будет по-другому.

Молоденький дубак, который привёз Аню, громко сглотнул и отвернулся к стене. Он сделал шаг к двери, как будто хотел выйти, но дверь распахнулась, и в камеру стремительно вошёл грузный человек в белом халате испачканном сажёй или какой-то копотью.

– Правильно! – закричал человек в халате. – Теперь всё будет по-другому. Это ты верно подметил.

Аня вздрогнула, и Башмак зло спросил:

– А можно не орать?

– Можно. Теперь тебе всё можно. Ты теперь у нас карта козырная, почти джокер, требуй чего пожелаешь. Выдвигай условия, объявляй ультиматумы, ставь перед фактом. Кстати, меня зовут Андрей Александрович Остяков, главный координатор Временного Правительства.

– Оставьте нас вдвоём, – сказал Башмак.

– А вот хрен тебе с маслом! – весело ответил Остяков.

Башмак вскочил, и сразу вошли Длинный и Шарик, встали по бокам Остякова. У Башмака сами собой сжались кулаки, но Аня, качнувшись в кресле, охватила его двумя руками за ногу, громко всхлипнула. Башмак снова встал на колени рядом с ней, устало спросил:

– Что вам надо от нас, что? Я буду консультировать, буду писать отчёты, давать рекомендации. Просто дайте нам жить вместе, мы же муж и жена. Просто спокойно жить.

– Парень, включи мозги, – жестко сказал Остяков. – Я понимаю, ты несколько дней не смотрел телек, но я же только что произнёс – Временное правительство. Что это значит?

– Революция, хунта, – сразу ответил Башмак. – Переворот. Гражданская война, анархия.

– Ну и о какой спокойной жизни ты размышлял?

– Кто захватил власть? – спросил Башмак.

– Это сейчас совершенно не важно! – раздражённо ответил Остяков. – Там пока винегрет. Сторонники старой веры, сторонники новой веры, революционеры и консерваторы. Они заседают, вырабатывают программу, а надо действовать. Временное правительство ширма, скоро власть возьмут серьёзные люди. И они в тебе заинтересованы.

– Что надо от меня серьёзным людям?

– Всё то же – ионный облучатель Завадского.

Как же так, удивился про себя Башмак. Значит, они не нашли облучатель. Значит, он так и валяется в разбитом пулями сундучке перед блок-постом. Значит, им по-прежнему нужен эликсир и игра вокруг резервации не окончена. Надо торговаться, лихорадочно думал Башмак. Они пойдут на любые уступки. Надо брать Аню и бежать к Тапку, отдать ему облучатель и спрятаться на Подстанции. Так в своё время поступил Паркинсон, а теперь видимо пришло и его, Башмака время, забиться в щель и тихо-тихо ждать, пока все про него забудут. Если Тапок отстанет от него со своей идеей вертикального прогресса. Если Остяков не полезет в резервацию за облучателем. Если Аня согласится вернуться в родной дом, который постоянно будет напоминать о страшной смерти тёти Шуры и Малинниковых. Слишком много если. «Горы и море» – вспомнил Башмак и горько усмехнулся.

– Серьёзным людям нужен облучатель? – нагло спросил Башмак у Остякова. – Так пускай пойдут и возьмут. Я за ним достаточно побегал. Мне он не нужен.

Андрей Александрович устало прошёл по камере и уселся на шконку. Он оказался лицом к Башмаку, а вот Аня была повёрнута к нему спиной. Она спокойно сидела в своём кресле и держала Башмака за руку. Остяков достал из кармана иглу для шприца, ловко надорвал упаковку и, мгновенно, прежде чем Башмак успел среагировать, ткнул Аню иглой в плечо. Она продолжала сидеть безмятежно глядя на Башмака. И тогда до него дошло, что с момента встречи она не произнесла ни слова и ни разу не попыталась встать из кресла.

– Что вы с ней сделали? – страшным шёпотом спросил Башмак.

– Ничего мы с ней не делали, – ответил Остяков. – Уж я-то точно ничего не делал. Я сам, если хочешь знать, до недавнего времени в заключении находился.

– Что? С ней? – с трудом ворочая языком, снова спросил Башмак.

– Неудачное клонирование. Ноги парализованы, речевой аппарат не функционирует, паталогические нарушения обмена веществ. Она умирает. Ещё неделя, две – и всё. Но сыворотка быстро восстановит жизнедеятельность в полном объёме. Это точно. Так что тебе очень нужен облучатель. А ей нужна сыворотка. Если ты, конечно, собираешься её спасти.

Остяков поднял на уровень глаз иглу с подсыхающей на ней капелькой крови и как через прицел взглянул на шагателя.

– Хорошо, я иду, немедленно, – сказал Башмак. – Но она идёт со мной.

Андрей Александрович обидно заржал и Шарик с Длинным ему подхихикнули. Лишь молодой охранник смотрел во все глаза и то бледнел, то краснел, слушая разговор. Судя по всему, ему просто забыли приказать выйти, и он впервые слышал и про облучатель, и про сыворотку, и про Временное правительство.

– Нет, – сказал Остяков, просмеявшись. – Разумеется, она останется у нас. Ты ведь слышал такое слово – заложник? Анечка будет нашей гарантией, что ты не наделаешь глупостей.

Башмак взглянул на Аню, и она чуть заметно кивнула. И легонько толкнула ладошкой Башмака в грудь.

– Хорошо, – снова согласился Башмак. – Мне нужно снаряжение и скоростной флаер.

– Со снаряжением проблем не будет, – сказал Остяков, – а вот лететь не советуем, собьют.

– Кто? – удивился Башмак.

– Кто-кто...

Андрей Александрович сделал знак охраннику и тот, вытянув из кармана пульт, ткнул кнопку, и в торцевой стене отодвинулась панель. С изумлением Башмак увидел, что в его камере есть громадное окно. Ещё более его поразил вид из этого окна. Столица, хорошо знакомая ему по многочисленным телевизионным передачам, лежала в руинах. Багровый дым стелился над пожарами, в небе не было ни одного летательного аппарата.

– Ракетный обстрел, – пояснил Остяков. – А у нас ПВО нет, армии нет, СС только парализаторами с гражданскими воевать умеет. Боеспособность поддерживается лишь в части у Супогреева и он через три дня атакует резервацию.

– Почему резервацию? – очумело спросил Башмак.

– Да потому что ракеты оттуда идут. Из того района. Это тоже не сразу выяснили, большая паника была поначалу. Так что времени у тебя три дня.

– Откуда ракеты в резервации? – продолжал недоумевать Башмак.

– Там, как выяснилось, много чего было с прежних времён. И сдаётся мне, много чего осталось. Так что не тани, как пелось в старинной песне – сборы были не долги, сели в чёрные «Волги»!

И в это время в коридоре страшно грохнуло, пол рывком ушёл у всех из-под ног, дверь выбило с петель и в камеру дыхнуло горячим дымом, пылью, запахом смерти. Потом наступила звенящая тишина. Охранник вытирал рукавом кровь под носом и с удивлением разглядывал

испачканный халат. Шарик, ползая на четвереньках, нутужно икал, а Башмак спихивал с себя Андрея Александровича. Андрей Александрович был очень тяжёлый и без сознания. Длинный тряс головой и бормотал:

– Прямое попадание, надо же, прямое попадание...

– Аня, – позвал Башмак. – Аня, как ты?

Аня, откатившаяся в самый угол, протянула к нему руку и, успокаивая, с трудом произнесла:

– Ммммнн, ы-ы.

И Башмак почувствовал, как внутри него что-то с хрустом сломалось.

5

Старший брат с удовольствием наблюдал, как из ракетных шахт в голубое небо с рёвом одна за другой протягиваются дымные трассы. Ракеты шли вертикально вверх, а потом начинали плавно клониться по заданной траектории в сторону Столицы. Яркий реверсионный след почти идеально соответствовал Единому Ободу, угодному Колесу, и это было правильно. Старший брат выполнял великое предназначение, завещанное мудрыми предками, и это наполняло его светлой печалью. Пришло время, которого он ждал, к которому готовился всю жизнь, и это было радостно, но в мудрости своей Старший брат понимал, что после свершения предназначения он никогда уже не обретёт столь великой цели и жизнь его станет пуста и суетна.

6

После того, как небольшой отряд Пятки отрезали от всех коммуникаций, и вокруг не осталось ничего, кроме выжженного Колесом песка пустыни, предводитель повстанцев обрёл прежнюю невозмутимость. Совсем недавно он был хорошим контрабандистом, после, в силу обстоятельств, недолго считался неплохим революционером, а сейчас готовился стать преотличным покойником. У них кончилась вода, половина людей нуждалась в лечении, идти дальше было некуда и незачем. Они даже не могли позволить себе роскошь погибнуть в бою – кончились патроны.

Устало присев на бархан, Пятка в бинокль наблюдал, как на горизонте появился трактор преследователей. Дымя соляркой, ДТ-75 тащил за собой на верёвках два десятка колясок с вооружёнными арами и ещё несколько стражников развалились на волокушах с провиантом и боезапасом. Следом своим ходом пёрли ахты, не менее полусотни. Их трёхколёсные мотоколяски меньше вязли в песке, но и требовали больших усилий для продвижения. Ахты потели, кряхтели, рвали жилы, помогая маломощным двигателям, но не отставали. Ары же подрёмывали, морщась от вони тракторного выхлопа. Их крупные головы смешно дёргались в такт рывкам трактора.

Пятка хотел сплюнуть, но во рту пересохло, и он только закрипел песком на зубах. Уйти от бойцов Тапка не составляло труда, колесники двигались очень медленно и, если на пути не было зыбучих песков, шагатели легко отрывались от преследования. Но в этот раз они решили попытаться устроить засаду. Закопаться в песок, пропустить гвардейцев мимо себя и напасть сзади. План был бредовый и Пятка согласился на него, понимая, что это прекрасный шанс покончить с беспечным блужданием в песках. Это даже не будет боем – их просто расстреляют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.